

САХНО С. Л.

ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОЕ ИМЕНОВАНИЕ В ЕСТЕСТВЕННОМ ЯЗЫКЕ

Одной из важных особенностей языка является то, что с его помощью можно именовать практически любые объекты. Действительность окружает человека бесконечным разнообразием предметов, признаков, отношений. Все объекты находятся в постоянном движении, изменении, для них не характерны четкие границы. «Диалектика <...> не знает hard and fast lines (абсолютно резких разграничительных линий. — Ред.)», — писал Ф. Энгельс в «Диалектике природы» [1]. Однако говорящий не оказывается в безвыходном «номинативном тупике». Отсутствие точной номинации компенсируется использованием п р и б л и з и т е л ь н о й н о м и н а ц и и (далее сокращенно ПН), что значительно расширяет номинативные возможности языка. О приблизительной номинации можно говорить тогда, когда при именовании говорящим отдельного элемента внеязыковой ситуации наблюдается некоторая модальная оценка номинации со стороны говорящего: например, говорящий сомневается в достоверности номинации или номинация не нравится говорящему, или же говорящий не хочет нести ответственности за эту номинацию и т. п. Необходимо отметить, что явление приблизительной номинации отличается от лингвистической модальности в ее обычном понимании. Собственно модальность (наклонения, модальные слова типа *кажется, вероятно*) связана с обозначением целых ситуаций (ср.: *Поезд прибывает, кажется, в 8 часов*). Приблизительная номинация связана с обозначением отдельных элементов в ситуации (ср.: *Поезд прибывает около 8 часов*). Приблизительно именуются любые элементы действительности: предметы (*что-то вроде...*), качества (*немного...*), процессы (*почти...: почти приехали*), количества (*примерно...*). Для выражения приблизительности номинаций могут использоваться разнообразные языковые средства: словообразовательные аффиксы (*красноватый*), особые слова приблизительности (*почти*), лексико-синтаксические конструкции (*то, что я назвал бы...*), конструкции со служебными словами (*то ли дождь, то ли снег*), чисто синтаксические средства (например, порядок слов: *человек десять*). ПН весьма частотны в речи и представляют собой важную часть общей номинативной стратегии говорящего (человека) в лингвистическом отображении мира. Вместе с тем эти языковые явления очень мало изучены. В последнее время наблюдается повышение интереса к сходным проблемам — проблемам именованию в языке логики и в языке науки — со стороны логиков и лингвистов логико-семантического направления. При этом можно выделить две основные тенденции. В одной из них в центре внимания оказывается субъект логического суждения. Соответственно обсуждаются такие проблемы, как существование данной единицы и указание на нее. Например, рассматриваются также имена, которые указывают на объекты по свойствам, не принадлежащим объекту, но тем не менее однозначно характеризуют объект — ср. описание *Священная Римская империя*, обозначающее империю, которая, как известно, не была ни Римской, ни священной [2]. В другом случае в центре внимания оказывается предикат логического суждения. Рассматриваются степени истинности расплывчатых предикатов, вводимых словами типа *почти, в некотором роде* и т. п. и делается попытка построения «расплывчатой» логики, близкой к «логике естественного языка» [3]. Как мы видим, такие исследования в целом не выходят за рамки традиционной логической проблематики. Собственно языковые проблемы, связанные с ПН, остаются неизученными. ПН — весьма сложный лингвистический

объект, к изучению которого возможны разные подходы в зависимости от выбираемого аспекта. Например, можно изучать ПН с точки зрения причин приблизительного именованья, с точки зрения внутренней формы слова приблизительности (ср., например, *около ста рублей* и *около дома*) и др. В предлагаемой статье мы рассмотрим наиболее общие закономерности приблизительного именованья на материале русского языка (выбор русского языка связан лишь с техническими, но не принципиальными соображениями): общий статус ПН в языке, проблему смежных явлений и связь ПН с основными категориями высказывания.

Для общего рассмотрения ПН языка существенно исходить из собственно отношения именованья. Отношение именованья имеет, как известно, трехчленную структуру и включает «говорящего», «объект» и «имя». Соответственно в сфере ПН ясно выделяются три большие группы, три семиологических плана приблизительности. Одна группа ориентирована на объект номинации, на мир; вторая — на носителя языка (говорящего, человека); третья — на имена (язык). Характерно, что в целом это соответствует трем частям семиотики: семантике, прагматике и синтактике. Рассмотрим последовательно эти аспекты ПН.

ПН, ориентированные на объект, характеризуются неполным соответствием имени объекту, ср. *что-то вроде новоселья, почти полный*. Мы будем их называть: ПН группы «объект». ПН этого типа различаются между собой именно по характеру самого объекта номинации. Прежде всего могут быть выделены ПН субстанций, ПН признаков [признаки могут быть процессуальными (действие или состояние) и непроцессуальными (качество или свойство)] [4] и ПН количеств. ПН с у б с т а н ц и й часто вводятся словами с «родо-видовой» и «неопределенной» семантикой: *своего рода, в своем роде, что-то вроде, какой-то* и др. Следует отметить, что между явлениями приблизительности и неопределенности отсутствует четкая граница. Можно считать, что если неопределенность связана с неизвестностью представителя известного класса (*Пришел какой-то мальчик*), то приблизительность связана с неизвестностью самого класса (*Они построили что-то вроде дачи*). Однако это разделение весьма относительно: при уменьшении конкретности имен и с переходом в сферу абстрактных имен неизвестность представителя данного класса легко может переходить в неизвестность самого класса. Родо-видовые отношения в сфере абстрактных имен более условны, чем родо-видовые отношения предметных имен, отражающие таксономию мира. Поэтому могут образовываться номинации переходного (синкретичного) типа со значениями одновременно неопределенности и приблизительности. Ср.: *Он испытывал какой-то страх* (= «страх, но неизвестно какой именно» и «неизвестно, страх ли именно, может быть — что-то вроде страха»). Характерно, что наиболее общие родовые имена предметов — *животное, сооружение, растение* и др. — не могут образовывать ПН по модели *что-то вроде...* (ср. бессмысленность **что-то вроде животного, *что-то вроде сооружения*), но зато могут фигурировать в номинациях синкретичного типа с *какой-то*. Ср.: *В темноте мы увидели какое-то сооружение* (= «неизвестное сооружение» и «возможно, что не сооружение именно, а что-нибудь другое»). Отмеченность таких родовых имен связана, видимо, с тем, что слишком явное их использование для приблизительного именованья могло бы искажать фундаментальные представления говорящих об устройстве мира: ведь такие имена составляют как бы наиболее общую сетку понятий, которую человек «набрасывает» на мир. Кроме того, в сфере ПН субстанций противопоставляются, например, ПН лиц и ПН не-лиц. ПН лиц являются отмеченными, т. е. встречаются относительно редко (оказывается, что мы чаще именуем приблизительно не людей, а неживые предметы, животных и др.) и обычно сопровождаются стилистическими значениями, создавая, например, комический эффект. Ср.: «На четвертое место явилась очень скоро, трудно сказать утвердительно, кто такая, дама или девица, родственница, домохозяйка или просто проживающая в доме: что-то без чепца, около тридцати лет, в пестром платке» (Гоголь, *Мертвые души*). ПН п р и з н а к о в

тесно связаны с категорией интенсивности (*немного, полу-, довольно, в какой-то степени* и т. п.), а с другой стороны — с переносной номинацией (метафора, образное сравнение: *словно, как бы* и т. п.). Отграничить значение приближительности от значения слабой или средней интенсивности признака возможно, если учитывать прагматику речи, в частности — степень уверенности говорящего в истинности именуемого признака. Уверенность говорящего в истинности признака свидетельствует в пользу интенсивности, неуверенность — в пользу приближительности. Однако эта граница весьма подвижна, зависит от ситуации, контекста. Так, если *довольно далеко в Село Н. довольно далеко отсюда. Тебе лучше поехать на автобусе* выступает как аргумент для убеждения собеседника в необходимости автобусной поездки (= интенсивность), то сказанное в главе Ты *довольно умна* будет скорее воспринято как оскорбление, чем как комплимент (= приближительность). В большинстве случаев границу между явлениями установить невозможно, и следует говорить о переходной зоне, где приближительность сочетается с интенсивностью. Ср. *Он сюда довольно часто приходит* (= «часто, но не настолько, чтобы про это можно было сказать часто» и «действительно часто, часто настолько, чтобы, например, мы о нем не забыли»). Что касается отличия ПН от переносной номинации, то здесь можно выдвинуть два критерия: реальность лежащих в основе именованых отношений и ненамеренность со стороны говорящего. Ср. выражение приближительности во фразе: «Дмитрий Федорович, никогда у старца не бывавший и даже не выдавший его, конечно, подумал, что старцем его хотят как бы испугать» (Достоевский, Братья Карамазовы). Ср. также (разг.): *Он приехал буквально в тот же день, где буквально* (в данном значении) вводит ПН (ненамеренность со стороны говорящего: он мог просто не запомнить точный день приезда): «почти в тот же день». Наоборот, в *Он был буквально убит этим известием* это слово вводит метафору (налицо намеренность со стороны говорящего в целях экспрессии). ПН признаков, подобно ПН субстанций, обнаруживает ряд противопоставлений в соответствии с природой самого признака. Ограничимся здесь лишь некоторыми замечаниями. Так, ПН субъективных признаков невозможны с *почти* (**почти красивый сад*), но возможны с *довольно* (*довольно красивый сад*); наоборот, ПН объективных (объективно присущих предмету) признаков невозможны с *довольно* (**довольно круглый стол*), но возможны с *почти* (*почти круглый стол*). Это обстоятельство более существенно для семантики слов типа *почти, довольно*, чем собственно степень приближительности. Характерно, что признаки непредметов могут легче именоваться приближительно, чем признаки предметов. *Полувраждебный взгляд* указывает, скорее всего, на приближительность именованного признака. Наоборот, *полукруглый в полукруглый стол* будет точной номинацией, обозначающей вполне определенную форму столов. Отметим, что гораздо легче представить себе класс «полукруглых столов», чем некий класс «полувраждебных взглядов». Обратимся также к ПН идентифицирующих признаков, отличающихся большим своеобразием. Ср.: *Раньше Париж являлся в каком-то смысле* (**немножко, *где-то*) *столицей мира* (идентифицирующий признак) и *Он немножко* (*где-то*) *артист* (классифицирующий признак). ПН идентифицирующих признаков могут быть даже базой для образования референтных имен объектов, ср.: *Столица мира славилась своей красотой*. Фактически такие ПН восходят к метаязыковой процедуре (*Раньше Париж называли столицей мира*) и очень близко стоят к другой группе ПН, ориентированные на человека, «носителя языка». ПН количества занимают особое место. Говорящие наиболее часто именуют неточно именно количества: общеизвестно, что количественная определенность объекта менее тесно связана с бытием данного объекта, чем его качественная определенность. Семантика и функционирование ПН количеств находятся в значительной зависимости от характера самого количества (множества). Например, собирательные числительные, кратные 10 («круглые» количества), легко могут приобретать значение приближительности: *десяток штук, три десятка штук, сотня человек*. Этого не происходит с «некруглыми» количествами: *семерка ту-*

ристов вовсе не значит «около семи туристов», а обозначает группу из семи туристов. Оппозиция «большое количество — малое количество» проявляется в ограничениях, накладываемых языком на приблизительное именование малых количеств. Часто малые количества не могут именоваться приблизительно подобно большим количествам. Ср. невозможность **Они пришли в количестве около трех человек*, хотя допустимо *Они пришли в количестве около ста человек*. Существует, однако, особая форма ПН малых количеств. Это — соположение двух соседних числительных: *два-три*, *три-четыре* и т. п. (ср. *Необходимо направить туда двух-трех человек*). Такие номинации в то же время легко могут приобретать значение «несколько» (неопределенность количества), что еще раз подтверждает их отмеченность в языке.

ПН, ориентированные на человека, носителя языка (мы будем их называть: ПН группы «носитель языка»), характеризуются той или иной степенью неудовлетворенности говорящего именем, отказом говорящего нести ответственность за номинацию: *что называется..., так называемый..., так сказать...* и др. Формально такие ПН совпадают с явлениями цитации, метаязыковой процедурой (метаязыком номинации). Именно поэтому такие ПН лингвисты специально не изучали и отождествляли их с обычными метаязыковыми средствами [5]. Однако между ПН этого типа и метаязыковыми явлениями есть существенное отличие, хотя и нет непроходимой границы. Решающее значение имеет знание прагматики общения, условий акта речи. Например, нетрудно заметить, что дидактическая речь существенно ограничивает вероятность значения приблизительности у метаязыковых выражений. Предположим, что преподаватель говорит студентам в своей лекции: *Эту единицу называют фонемой. Эта так называемая фонема представляет собой...* и т. д. В этом случае мы имеем дело с обыкновенной процедурой метаязыкового цитирования, со способом введения слушающих в язык лингвистики. Наоборот, полемическая речь повышает вероятность значения приблизительности. Например, в устах полемизирующего лингвиста, не согласного с теорией фонемы, номинация *то, что называют фонемой (так называемая фонема)* будет звучать с некоторым оттенком приблизительности. Известно, что современная лингвистика акта речи связывает дидактическую речь с минимальной степенью заинтересованности говорящего в сообщаемом (т. е. с максимальной дистанцией) [6]. Следовательно, уменьшение дистанции между говорящим и сообщаемым говорит в пользу приблизительного значения рассматриваемых выражений. Кроме того, при исследовании ПН группы «носитель языка» возникает необходимость различать две сущности: собственно говорящего и субъекта номинации. Формально говорящий и субъект номинации могут совпадать, например, в «я». Но при этом я-говорящий может «отгораживаться» от я-субъекта номинации, ср.: *Хочу предложить вашему вниманию то, что я решил назвать (то, что я называю) романом* (предполагается, что не все носители языка назовут данное произведение романом или согласятся с таким именованием — отсюда и приблизительный оттенок номинации). С другой стороны, говорящий и субъект номинации формально могут не совпадать, но фактически «сливаются» в одно целое. Это как раз и происходит в дидактической речи, где говорящий (я) не отгораживается от субъекта номинации (*все носители языка* или *все авторитеты в данной области*), а отождествляет себя с субъектом номинации. В этом случае имеет место метаязыковая процедура. Таким образом, о ПН группы «носитель языка» можно говорить при отгораживании говорящего от субъекта номинации. Поскольку субъект номинации может соотноситься с разными лицами, то от этого и зависят типы ПН с их конкретными особенностями. Возможны следующие основные типы: ПН от первого лица (я, мы: *то, что я называю..., то что мы назвали бы...*), ПН от второго лица (ты, вы: *как ты говоришь..., то, что вы обычно называете...*), ПН от третьего лица (он, они: *выражаясь как товарищ Иванов..., то, что они называют...*), ПН от обобщенного лица (все: *то, что принято называть..., как говорится..., так называемый..., что называется..., как принято выра-*

жаться...), ПН от неопределенного лица (некоторые, другие: *так называемый...*, *именуемый...*, *пресловутый...*, *якобы...*), отсутствие лица (модальные конструкции: *можно сказать...*, *нужно назвать...*), ПН от недифференцированного лица (*так сказать...*). Эти типы обладают рядом существенных особенностей. Остановимся на некоторых из них. ПН от первого лица характеризуются близостью к перформативным высказываниям в их классическом виде (*Я называю это...*), к поступку именованя. При этом номинация рождается впервые в самый момент ее произнесения и кажется «сырой». Отсюда — значение недостоверности, неуверенности именованя, приблизительность. В ПН от третьего лица субъект номинации может совпадать с объектом номинации. Это равносильно самоименованию (*артист, как он себя сам называет*) и поэтому легко может переходить в указание на ложность номинации, «самозванность» данного лица и соответственно — на отрицательное отношение говорящего к этому лицу. Особый интерес представляют два пограничных типа ПН, которые часто формально совпадают (*так называемый...*), — ПН от обобщенного лица и ПН от неопределенного лица. Однако между ними есть различие. Представляя номинацию в виде ПН от обобщенного лица (от «всех»), говорящий обычно склонен с ней согласиться, включая себя в число «всех» (*Он поступил, что называется, неблагородно*). Стратегия говорящего сложна и заключается в том, что даже включая себя в число «всех» и опираясь на авторитет всеобщего мнения, говорящий все равно не желает полного слияния с субъектом номинации. Он дает понять, что мог бы использовать более точную, яркую номинацию вместо «банальной» номинации «всех». Наоборот, представляя номинацию как ПН от неопределенного лица (от «некоторых»), говорящий чаще всего не согласен с номинацией и готов полемизировать с «некоторыми». О включении говорящего в число «некоторых» не может быть и речи: *Этот так называемый (пресловутый, якобы) благодетель бессовестно обманул ее*. Часто такие ПН смыкаются с ПН от третьего лица со значением «самозванности», о которых мы говорили. Это происходит тогда, когда сам объект номинации может входить в число «некоторых». Ср. *этот якобы благодетель: благодетелем* его называют некоторые люди или он сам. Обратимся также к ПН от недифференцированного лица. В русском языке это в основном ПН, вводимые выражением *так сказать*. Существование таких номинаций в языке имеет глубокий смысл. Для них субъектом номинации выступает некая недискретная сущность, могущая принимать значения любых мыслимых лиц. Для говорящего же часто важно бывает представить номинацию так, как если бы она исходила одновременно от него самого, от слушающих, от третьих лиц и от любого другого лица. Разумеется, контекст может значительно ограничивать круг лиц. Ср. «...Федор Павлович с супругой не церемонился и, пользуясь тем, что она, так сказать, пред ним „виновата“..., даже попрал ногами самые обыкновенные брачные приличия» (Достоевский, Братья Карамазовы). Здесь *так сказать* фактически указывает на Федора Павловича как на субъект номинации. Отметим, что сама эволюция значения *так сказать* весьма показательна. На первом этапе *так сказать* выходит непосредственно из обозначения акта речи, из метаязыкового предиката (букв. «чтобы сказать так», ср.: *Я говорю так...*). На втором этапе это выражение предстает как особый указатель на приблизительность номинации (интересующий нас случай). И, наконец, на третьем этапе *так сказать* опять возвращается в акт речи, но на совсем ином уровне: оно десемантизируется и становится чем-то вроде «слова-паразита», заполняющего паузы в речи говорящего. С другой стороны, в качестве указателя на приблизительность номинации *так сказать* может близко подходить к значению слов типа *почти*: «В таком случае я разбогатею, — сказал Чичиков, — потому что я начинаю почти, так сказать, с ничего» (Гоголь, Мертвые души). Таким образом, здесь (как и в случае ПН идентифицирующих признаков) ликвидируется резкая граница между ПН двух рассмотренных нами групп.

Обратимся к третьей (и в данном случае последней) группе ПН, ори-

ентированной прежде всего на сам язык, на имена. Существование таких ПН связано с возможностью применения нескольких имен к одному и тому же объекту в единичном акте именованя. Поскольку ни одно из возможных имен не оказывается единственным в применении к объекту, то при этом легко формируются значения приблизительности, неуверенности, недостоверности именованя. Условно эту группу ПН можно называть «имя — имя». Часто такие ПН сопровождаются предикатами метаязыкового характера, что сближает их с ПН группы «носитель языка»: «Была в доме комнатка, которая носила три названия: маленькая, проходная и темная» (Чехов, Учитель словесности). Для отличия ПН группы «имя — имя» от простой множественности имен (гетерономинативности) существенно принимать во внимание семантические отношения между именами. В логике известно пять основных отношений между понятиями: включение, пересечение, контрадикторность, соположенность, эквивалентность. Эти отношения можно применить к данной проблеме. При этом оказывается, что приблизительность исключается в двух случаях: при отношении включения, ср.: *Он пришел со своей собакой, овчаркой* (простое уточнение через сужение класса), и при отношении пересечения имен, ср.: *Меня беспокоит невнимание Ивана к окружающим, точнее, его озабоченность своими делами* (метонимическое пересечение имен: невнимание Ивана к окружающим является следствием его озабоченности своими делами). Наоборот, приблизительность возможна при контрадикторности имен (антонимия), ср.: «В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так молод» (Гоголь, Мертвые души), а также при их соположенности, ср.: *На улице то ли дождь, то ли снег* (имена *дождь* и *снег* соположены, т. к. обозначают разновидности осадков). В случае эквивалентности (синонимии) имен обычным условием появления значения приблизительности является метаязыковая и модальная конкретизация. Правда, здесь приблизительность носит неявный характер, находясь на грани перехода к простому уточнению одного имени другим. Ср.: «Вот в это-то время и состоялось свидание, или, лучше сказать, семейная сходка, всех членов этого нестройного семейства в келье старца» (Достоевский, Братья Карамазовы). Однако диалектика таких ПН в том и заключается, что, даже предпочитая одно имя как более точное другому (*лучше сказать*), говорящий не может окончательно отбросить и менее точное имя, которое, будучи уже произнесенным, приобретает своеобразную власть и тяготеет над всей номинацией. Таким образом, приблизительность номинаций в этом аспекте возможна при трех видах семантических отношений между именами: контрадикторности, соположенности и эквивалентности (с ограничениями). С другой стороны, имена в номинациях должны соединяться определенными синтаксическими средствами. Эти синтаксические средства в целом повторяют пять известных в логике операций над логическими суждениями: конъюнкция (*счастлив и несчастен одновременно; ни стар, ни молод*), дизъюнкция (*то ли гараж, то ли сарай*), отождествление (привращивание имен: *Он был встревожен, можно сказать — напуган*), импликация (*Это очень похоже, если не то же самое*), отрицание («Нос не то чтобы длинный, а востренький, точно у птички» — Достоевский, Братья Карамазовы). Таким образом, конкретные типы ПН группы «имя — имя» характеризуются двумя признаками: семантическими отношениями между именами и синтаксическими связями между именами. Рассмотрим особенности некоторых типов ПН этой группы. Весьма интересным свойством обладают ПН (или близкие к ПН случаи), образующиеся при отождествлении эквивалентных (синонимичных) имен. Их приблизительность парадоксальна, но объяснима. Лишь ограниченное число объектов располагает двумя и более в достаточной степени эквивалентными именами (в основном это — личные имена: например, *Мария Ивановна* или *Петрова* применительно к Марии Ивановне Петровой). Обычно именоване большинства объектов производится в единичном акте номинации каким-то одним именем. Поэтому появление по меньшей мере двух (даже синонимичных) имен типа *встревожен, напуган*

может быть признаком «трудной» номинации, а их отождествление в данной номинации (*встревожен. можно сказать — напуган*) может восприниматься как неправомерный, хотя и вынужденный, акт. Соединение двух соположенных имен в виде дизъюнкции (*то ли гараж, то ли сарай*) приближается к указанию на гибридность объекта (ср. *полу-гараж, полу-сарай*). Это сближает ПН группы «имя — имя» с ПН группы «объект» (ср. *полуираждебный*). Заслуживают также внимания номинации, образующиеся путем отрицания одного имени в пользу другого (*не то чтобы, ..., а...*). Обычно второе имя не воспринимается в таких ПН говорящим как вполне удовлетворительное. Например, это происходит потому, что эти имена приписываются говорящим разным субъектам номинации. Второе имя при этом часто используется по образцу ПН типа «носитель языка» (*что называется...*). Ср.: «Слышь, мужика Кошкарев барин одел, говорят, как немец; поодаль и не распознаешь, — выступает по-журавлинному, как немец. И на бабе не то чтобы платок, как бывает, пирогамили кокошник на голове, а немецкий капор такой, как немки ходят, знаешь, в капорах, — так капор называется, знаешь, капор. Немецкий такой капор» (Гоголь, Мертвые души). Здесь имена *платок пирогом, кокошник* приписываются говорящим самому себе и потенциально — слушающим, в то время как имя *капор* приписывается «другим» — очевидно, «господам», «немцам». В этом случае также имеет место сближение между ПН групп «имя — имя» и «носитель языка».

Рассмотрим теперь весьма кратко основные закономерности функционирования ПН в тексте, в высказывании. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что ПН не существует изолированно от других, точных, номинаций того же объекта в тексте, а взаимодействуют с ними. Это взаимодействие обладает одной важной особенностью. Приблизительная номинация объекта гораздо чаще следует за точной номинацией того же объекта, чем это можно было бы предположить. Ср.: «Монах с чрезвычайно вежливым, почти поясным поклоном произнес...» (Достоевский, Братья Карамазовы). Иной порядок — от приблизительной номинации к точной — звучал бы здесь гораздо менее естественно, ср. с *почти поясным, чрезвычайно вежливым поклоном*. В этом, как нам кажется, проявляется та своеобразная диалектика именованья в языке, которая заключается, видимо, в постоянном, но практически неудовлетворимом стремлении говорящего к самой точной, «единственной» номинации. Осознание тщетности своего стремления раскрыть в номинации всю глубину и сложность объекта принуждает говорящего к «отступлению» от точности к приблизительности. ПН обнаруживают, кроме того, тесную связь с важнейшими категориями высказывания (модальностью, отрицанием, социальной направленностью). ПН и м о д а л ь н о с т ь объединены не только общностью своей природы. В высказывании ПН часто соседствуют с модальными словами, ср.: «...А Миусов так лет тридцать, может быть, и в церкви не был» (Достоевский, Братья Карамазовы). В определенных случаях модальность высказывания может «концентрироваться» на отдельной номинации, придавая ей некоторый оттенок приблизительности, ср.: *Это дерево, кажется, сосна* (что можно понять как «это дерево является чем-то вроде сосны»). Невозможность точного именованья («неназываемость», «невывразимость») часто связана с модальной эмоциональной оценкой объекта — резко отрицательной или, наоборот, очень положительной: *У меня не хватает слов, чтобы сказать тебе, какой он подлец!*; ср. также: «В нарядах их вкусу было пропасть: муслины, атласы, кисей были таких бледных модных цветов, каким даже и названья нельзя было прибрать (до такой степени дошла тонкость вкуса)» (Гоголь, Мертвые души). Связь ПН и о т р и ц а н и я объясняется тем, что при неясности, трудноименуемости объекта гораздо легче что-либо отрицать об этом объекте, чем утверждать. Ср.: «Что такое лицей? Александр Иванович на мой вопрос сказал, что положительный ответ на сие труден, но отрицательный легок: лицей не училище, не университет, не корпус, что это, однако, и то, и другое, и третье, что пока бог знает, что такое, а там, впрочем, будет видно» (Тынянов. Пушкин). !Социальный статус ПН заклю-

чается прежде всего в возможности, которую они предоставляют говорящему «именовать, не именуя»: приблизительность именования может сглаживать неприятную для слушающего оценку, заставлять слушающего принять номинацию, с которой тот может не согласиться, завоевывать расположение слушающего. Ср.: «Генерал Бетришев, близкий приятель и, можно сказать, благотворитель, просил навестить родственников» (Гоголь, Мертвые души). Этим говорящий — в данном случае Чичиков — умело камуфлирует преувеличенность и даже ложность номинации *благотворитель*. Для ПН весьма существенным оказывается и характер предметных отношений действительности, отображаемых в высказывании. Так, для ПН группы «носитель языка» типичным контекстом оказываются предложения тождества (идентификации), ср.: *То, что Иван называет своим романом, является в действительности лишь сборником путевых заметок*. Это объясняется тем, что такие предложения устанавливают тождественность самому себе объекта, который может фигурировать под разными именами, в том числе — неправильными или неточными (с точки зрения говорящего) именами.

Из сказанного можно сделать ряд выводов. Приблизительные номинации в языке характеризуются тройной ориентированностью: в их семантике и функционировании как бы отражаются мир (объекты номинации), человек (носители языка), язык (имена). При этом рассмотренные типы ПН не имеют абсолютно четких границ, пересекаясь с такими языковыми явлениями, как неопределенность, интенсивность, переносная номинация и др. Отграничение значения приблизительности от смежных явлений предполагает учет таких факторов, как позиция говорящего в акте речи, свойства самих объектов, семантика имен. Рассмотренные три аспекта ПН, кроме того, тесно смыкаются и друг с другом. Приблизительное именование представляет собой обширную и весьма сложную систему явлений, обладает разнохарактерными средствами выражения. Каждая из поднятых в статье проблем заслуживает специального исследования. Приблизительные номинации еще мало изучены, а их изучение крайне важно для лингвистов с точки зрения общей теории номинации, лингвистической семантики, логико-философских проблем языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Энгельс Ф. Диалектика природы.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 527.
2. Целищев В. В. Понятие объекта в модальной логике. Новосибирск, 1978, с. 102.
3. Lakoff G. H. A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concept.— In: Contemporary research in philosophical and linguistic semantics. Dordrecht, 1975.
4. Русская грамматика. Т. I: Морфология. М., 1980, с. 453.
5. Rey-Debove J. Le métalangage. Paris, 1978.
6. Dubois J. et al. Dictionnaire de linguistique. Paris. 1974, p. 161.